

Глухая полночь.

В сети, подобно лесному пожару, стремительно распространялось одно-единственное видео. В кадре Ши Цзянь, совершенно один, замер перед витриной, пристально и сосредоточенно разглядывая пару изысканных запонок.

Безупречное разрешение картинки давало зрителям полную свободу для самых смелых фантазий, а провокационный заголовок лишь подливал масла в огонь, разжигая общественный интерес:

□Ключевые кадры кражи в галерее «Наследие»: кинозвезда Ши Цзянь глубокой ночью наедине с витриной□

Ролик был намеренно замедлен, отдельные фрагменты многократно увеличены, а поверх изображения были наложены едкие, наводящие на определенные мысли субтитры: «Оставался в полном одиночестве 2 минуты 17 секунд», «Взгляд, прикованный к витрине».

Ли Чжися, охваченный тревогой, среди ночи примчался в резиденцию Чжоуинь, чтобы лично доложить о случившемся.

- Мы уже в экстренном порядке уведомили все партнерские платформы, чтобы они ограничили распространение этого контента, но первоначальная цепочка публикаций оказалась слишком скрытной, и на полное удаление всех копий потребуется время...

Доложив об этом, он покорно опустил голову, не смея издать ни единого звука в тяжелой тишине.

Не прошло и трех часов с того момента, как Фан Жуйцю подала официальное заявление в полицию, а негативные новости уже успели заполнить всё информационное пространство, не оставив свободного места.

Аккаунты, с которых была осуществлена первоначальная публикация, использовали сложное анонимное шифрование. Становилось совершенно очевидно: это была не просто случайная кража, а открытый, дерзкий вызов, прямо указывающий всем посвященным, против кого именно был направлен этот расчетливый удар.

- Забавно, - издал презрительный смешок Чу Юнь.

Ли Чжися в этот момент боялся даже дышать, застыв в ожидании.

- Иди и выясни, - улыбка мгновенно исчезла с его лица, и Чу Юнь с силой сжал кольцо на своем пальце. - Посмотрим, кто настолько не дорожит собственной жизнью.

На его собственной территории, в его доме, кто-то посмел красть его вещи и подставлять его людей.

Ши Цзянь не стал дожидаться возвращения Чу Юня. В глубине души он уже догадывался, что в галерее «Наследие» произошло нечто из ряда вон выходящее.

По пути обратно Чу Юнь еще пытался убедить его, что всё это «пустяки», не заслуживающие внимания, но затем он принял один телефонный звонок, и внезапно в их жизни снова появился взволнованный Ли Чжися.

Увидев эти новости, Ши Цзянь замер, словно пораженный громом. Он пристально, почти с ужасом, смотрел на фигуру, запечатленную в видеоролике.

Это действительно был он.

Прошлой ночью, еще до того, как прибыл Чу Юнь, он в полном одиночестве и совершенно бесцельно бродил по залам секции С, рассматривая редкие экспонаты, пока не дошел до определенного места и не увидел пару запонок, покоившихся за стеклом витрины.

Единственная причина, по которой он так долго там задержался, заключалась в том, что эти запонки показались ему до боли знакомыми. Они были слишком похожи на те, что он знал.

Давным-давно, в той маленькой и совершенно неприметной лавке в городе Гент, он купил пару запонок, которые втайне мечтал подарить Чу Юню...

Те, что он хранил, выглядели почти точь-в-точь как этот драгоценный экспонат, выставленный за толстым стеклом.

Сердце Ши Цзяня болезненно сжалось, и в голове внезапно мелькнула ужасающая мысль: неужели всё это время он хранил у себя обычную подделку?

Он знал, что в галерее «Наследие» просто не могло быть фальшивок – репутация этого места была безупречной.

Ши Цзянь стоял там, долго и мучительно внимательно вглядываясь в детали. Чем дольше он смотрел, тем сильнее сжималось его сердце от тревоги. В то же время он втайне, почти с облегчением, радовался, что тогда так и не решился их подарить. Ведь преподнести Чу Юню пару дешевых подделок было бы равносильно тому, чтобы самому себе отвесить звонкую, унижительную пощечину.

Наконец, Ши Цзянь пришел в себя и резким движением погасил экран телефона, погружая комнату в полумрак.

Он медленно подошел к шкафу, осторожно открыл ящик и достал те самые запонки, которые так долго хранил.

Он отчетливо помнил трогательную историю любви, связанную с этими запонками, которую когда-то поведал ему старый лавочник. Глядя на них сейчас, в приглушенном свете, он действительно не мог с уверенностью отличить подлинник от искусной копии.

И в тот самый момент, когда он с максимальным вниманием рассматривал их, дверь в комнату внезапно и с шумом распахнулась.

Он вздрогнул и поднял голову, встретившись холодным, пронзительным взглядом с Чу Юнем, который смотрел прямо на его руки.

Это совпадение было настолько нелепым и несвоевременным, что Ши Цзянь на мгновение почувствовал себя настоящим вором, пойманным с поличным в самый неподходящий момент.

В следующее мгновение коробочка исчезла из его рук, и ладонь Ши Цзяня внезапно опустела.

- Откуда они?

Эти короткие слова прозвучали не как вопрос, а как холодный, бескомпромиссный допрос.

Воздух в комнате мгновенно застыл, став тяжелым и почти осязаемым.

И даже несмотря на то, что говорить об этом сейчас было мучительно трудно, он всё же решил сказать правду.

- Я... я купил их для тебя, - тихо, почти сбивчиво произнес Ши Цзянь.

В комнате воцарилось тяжелое, гнетущее молчание.

- Купил для меня? - медленно, с каким-то странным, нечитаемым выражением в голосе, повторил Чу Юнь.

Для Ши Цзяня эти слова прозвучали как резкий, колющий укол сомнения, пронзивший его насквозь.

- Когда? Где? С какой целью? - вопросы Чу Юня сыпались один за другим, подобно градовым ударам, не оставляя ни секунды на раздумья.

От этого напора у Ши Цзяня перехватило дыхание, а в горле словно застрял ком.

Попытаться объяснить всё четко и последовательно оказалось слишком сложной задачей. Ши Цзянь лихорадочно пытался сообразить, какие именно детали сейчас имеют значение. Если он начнет подробно рассказывать, где и почему он приобрел эти запонки, это будет равносильно

тому, чтобы вскрыть собственную грудь и выставить напоказ всё содержимое своего сердца – все те тайные, невысказанные мысли и чувства.

И всё же, он понимал, что объяснить ситуацию необходимо. Нужно было просто аккуратно опустить тот мимолетный, иррациональный порыв и изложить Чу Юню только сухие факты того, как всё было на самом деле.

– Прошлой зимой, в Генте, – постарался ответить максимально спокойно Ши Цзянь. – Я просто подумал, что они тебе подойдут.

В этот момент за дверью раздался осторожный, нерешительный стук.

Щелк. Крышка футляра с сухим звуком захлопнулась в руках Чу Юня.

Ресницы Ши Цзяня едва заметно дрогнули, а телефон, который он всё еще сжимал в руке, Чу Юнь мимоходом, почти небрежно, забрал себе.

– С этого момента, – ледяным, не терпящим возражений тоном предупредил Чу Юнь, – ни единого шага из этой комнаты.

Не успел он закончить фразу, как, подобно внезапному порыву холодного ветра, покинул комнату, забрав с собой Ли Чжися, который всё это время робко жался в дверном проеме.

Ши Цзянь остался один, безучастно глядя на теперь уже пустую комнату и свои пустые, растерянно разведенные ладони.

В такой гнетущей атмосфере даже он сам, вопреки здравому смыслу, невольно начинал подозревать, что он и вправду является вором.

Все эти странные, пугающие совпадения накладывались друг на друга, слой за слоем, шаг за шагом опутывая его память, заставляя с огромным трудом отличать объективную реальность от болезненного вымысла.

Неужели с его рассудком снова что-то не так? Неужели он снова теряет контроль над тем, что истинно, а что нет?

Ши Цзянь пребывал в полном, абсолютном смятении.

Эта внезапно возникшая проблема застала его совершенно врасплох, и он чувствовал, что ему будет крайне трудно с ней справиться в одиночку.

Он искренне не мог понять: он ведь действительно ничего не совершал, не крал и не лгал, так почему же он снова, словно по какому-то злему року, оказался в самом центре этого скандала?

Однако вид тех запонок, пронзительный взгляд Чу Юня и его явные сомнения заставляли его самого смутно, но настойчиво сомневаться в собственной памяти.

Его сознание всегда работало несколько туманно, он был склонен упускать из виду мелкие детали, которые для других казались очевидными.

Разумеется, он не чувствовал себя обиженным или несправедливо обвинённым; он просто в глубоком замешательстве размышлял о том, где именно он допустил роковую ошибку и как теперь противостоять этому внезапно обрушившемуся на него хаосу.

Ши Цзянь никак не мог найти ответа на этот вопрос, но в глубине души он всё ещё надеялся...

Ведь Чу Юнь, пожалуй, лучше всех в этом мире знал, насколько он, Ши Цзянь, невиновен.

Он не должен был допрашивать его таким холодным, чужим тоном.

-Прошлой ночью, перед началом банкета-

Фан Жуйцю стояла у самого входа в величественный выставочный зал, сохраняя на лице абсолютно невозмутимый вид и скрупулезно проверяя каждую, даже самую незначительную деталь подготовки к мероприятию.

Вскоре к ней быстрым, почти бегущим шагом подошел помощник из внутреннего зала и, склонившись, доложил вполголоса:

- Госпожа Фан, молодой господин только что лично отключил систему видеонаблюдения в зоне С...

Услышав это, Фан Жуйцю лишь слегка, почти незаметно приподняла брови. Хотя ей было крайне трудно осознать всю абсурдность действий молодого господина, который совершенно не выбирал ни времени, ни места для своих прихотей, она давно и окончательно привыкла к подобным ситуациям.

- Поняла, - коротко кивнула она и добавила: - Пусть охрана продолжает внимательно следить за периметром, но больше ни в коем случае не приближается к той зоне.

- Слушаюсь, - ответил помощник и поспешно удалился.

Фан Жуйцю спокойно, с привычной холодностью взглянула на свои наручные часы и продолжила методично распоряжаться делами перед официальным открытием галереи, втайне надеясь, что молодой господин хотя бы до прихода почетных гостей сумеет знать меру в своих выходках.

В комнате отдыха царил глубокий полумрак, и шумные звуки суеты, царившей снаружи, совершенно не проникали сюда.

Воротник белой рубашки Ши Цзяня был небрежно расстегнут, и в нем буквально утопала его растрепанная голова, а на бледной коже шеи виднелось несколько отчетливых красных отметин.

Сегодня Чу Юнь пребывал в особенно приподнятом, почти лихорадочном настроении, и Ши Цзянь совершенно не понимал, в чем тому причина.

Позволить себе творить подобное прямо в стенах галереи «Наследие» - это была именно та степень нелепости и дерзости, на которую был способен только молодой господин Чу.

У Ши Цзяня не было ни малейшего права отказать ему в чем-либо, да и, по правде говоря, он бы никогда не стал этого делать.

За дверью раздался тихий, осторожный стук – это вернулся Ли Чжися, который отсутствовал довольно долго. Он не решался войти и приглушенно произнес:

- Молодой господин...

Чу Юнь, совершенно не желая прерывать этот момент, медленно и почти невесомо провел кончиками пальцев по шее Ши Цзяня. Он лениво, с легким придыханием отозвался:

- М-м.

На удивление, в его голосе не было ни капли раздражения, лишь глубокое, обволакивающее спокойствие.

Ши Цзянь, мгновенно уловив это благосклонное настроение, осторожно принялся помогать Чу Юню застегивать пуговицы на рубашке, стараясь делать это максимально аккуратно.

Чу Юнь слегка приподнял подбородок, и как только пальцы Ши Цзяня коснулись самого верха воротника, он перехватил эту широкую ладонь. Чу Юнь медленно наклонил голову и запечатлел на коже мягкий поцелуй, при этом широко и непривычно ярко улыбаясь.

Ши Цзянь в ответ тоже улыбнулся – искренне и тепло. Он осторожно убрал руку, которой только что поправлял ему галстук, чувствуя, как в груди разливается уютное тепло.

Чу Юнь, отвечая взаимностью, с неожиданной любезностью помог Ши Цзяню привести себя в порядок, поправляя одежду и приглаживая волосы.

Перед самым уходом он внезапно снова наклонился и коротко поцеловал Ши Цзяня в щеку. Когда теплый поток дыхания коснулся уха, голос Чу Юня прозвучал низко, мягко, но с отчетливыми нотками властной нежности:

- Будь послушным.

«Конечно», – ответил Ши Цзянь про себя, чувствуя, как по телу пробегает легкая дрожь.

Попытка извлечь записи с камер наблюдения за прошлую ночь в галерее «Наследие» зашла в глухой тупик.

- Похоже, это кто-то, кто очень хорошо меня знает, – Чу Юнь равнодушно отвел взгляд от мерцающего экрана.

Отключать внутреннее наблюдение в галерее ему приходилось далеко не впервые. Безграничная самоуверенность Чу Юня позволяла ему совершать любые, даже самые неразумные и импульсивные поступки, а Фан Жуйцю, естественно, не имела никакого права препятствовать его прихотям и никогда не смела возражать.

Или, вернее сказать, она, как и сам Чу Юнь, была абсолютно уверена в нерушимости и совершенстве системы безопасности галереи «Наследие».

На их взгляд, такое кратковременное отключение наблюдения вовсе не считалось халатностью или серьезным риском.

Логика была проста: во-первых, внутрь пробраться практически невозможно, а во-вторых, незамеченным наружу выйти не получится ни при каких обстоятельствах.

К тому же, отключение наблюдения всего в одной конкретной зоне не дало бы случайному преступнику возможности провернуть сложное дело, а идти на такой колоссальный риск ради кражи одной лишь пары запонок было совершенно невыгодно и бессмысленно.

Если только... с самого начала целью было вовсе не «вынести» ценность, а «подменить» её.

Возможно, подлинник и вовсе не покидал стен галереи.

- Прошлой ночью было слишком много гостей, и мы сосредоточили основные силы охраны в

главном выставочном зале, – нервно, сбивчиво докладывала Фан Жуйцю. – Второстепенные зоны, к сожалению, неизбежно остались без должного присмотра.

Противник должен был прекрасно понимать эту уязвимость.

Экспонаты в тех залах были ниже рангом, охрана – слабее, а само расположение зон – более уединенным и тихим. Подготовить заранее искусную подделку для замены было не так уж сложно, что создало для злоумышленников невероятно удобные условия.

Взгляд Чу Юня стал холодным и тяжелым, словно свинец:

– Как они могли быть настолько уверены, что он обязательно пойдет смотреть именно на те запонки?

– Возможно, они и не были уверены до конца, – Фан Жуйцю к этому моменту уже успела всё проанализировать. – Более логичное объяснение заключается в том, что они заранее подготовили несколько комплектов различных подделок. Как только господин Ши проявил бы интерес к любому из этих предметов, это тут же использовали бы против него.

Уровень безопасности в зоне С был относительно обычным, да и выставлялись там в основном второстепенные экспонаты.

Это могли быть запонки, могла быть изящная брошь – подготовить всё это в достаточном количестве было несложно.

– Обычно вы... время от времени отключаете наблюдение, и чаще всего именно в таких, не самых важных зонах.

Очевидно, что это была тщательно спланированная, многоходовая ловушка, основанная на манипуляции общественным мнением, а не настоящая кража.

Что касается того, кто именно за этим стоял...

Взгляд Чу Юня становился всё более ледяным и мрачным.

- Мне нужен результат, - коротко отрезал он.

Фан Жуйцю тут же поспешно ответила:

- Мы уже запустили процедуру полной внутренней проверки...

От записей о посещаемости сотрудников до материалов скрытого наблюдения и личной переписки - всё проверялось до мельчайших, самых незначительных деталей.

- На данный момент мы предварительно вычислили одного помощника, который устроился к нам совсем недавно. Месяц назад он начал отвечать за инвентаризацию в зоне С. После вчерашнего мероприятия его поведение стало крайне подозрительным, сейчас мы уточняем все детали.

Пока не было неопровержимых, железных доказательств, галерея не могла применять к сотрудникам жесткие меры. Но, полагаясь на свою профессиональную интуицию, Фан Жуйцю решила начать проверку именно с новичков.

В голове Ли Чжися что-то гулко отозвалось, и он внезапно что-то вспомнил.

Он широко вытаращил глаза от осознания:

- Госпожа Фан, мы с молодым господином встречали его в зале С, тогда...

Тот человек случайно врезался в Чу Юня, его телефон с грохотом упал на пол, и на экране в тот момент была открыта страница с настройками съемки...

Не успел он договорить, как в кабинет вошел начальник службы безопасности с мрачным, сосредоточенным лицом:

- Связь с ним потеряна.

Фан Жуйцю, напротив, почувствовала странное облегчение: значит, все подозрения подтвердились.

Чу Юнь внезапно усмехнулся, и в зале мгновенно воцарилась звенящая тишина.

- Вернуть его, - медленно произнес он, и его голос был холодным, как арктический лед. - Любой ценой.

Все присутствующие в комнате мгновенно напряглись и вытянулись в струнку, хором ответив:

- Есть!

Операция по поиску началась незамедлительно.

Хотя и было сказано «любой ценой», всё проходило без лишнего шума, с предельной, почти хирургической сдержанностью.

Все отделы галереи работали день и ночь, Ли Чжися без устали координировал действия, не смыкая глаз целых двое суток, тайно отслеживая все возможные, даже самые призрачные зацепки.

Услышав об этом, Чу Хуан лишь холодно и снисходительно усмехнулась.

Этот сорванец не мог прожить и дня, чтобы не доставить ей новых хлопот.

R-Медиа отреагировала молниеносно, задействовав все свои медийные связи и в кратчайшие сроки выпустив серию других «горячих» новостей, чтобы максимально отвлечь внимание общественности от негатива вокруг Ши Цзяня.

PR-компания вовремя опубликовала глубокую аналитическую статью, тонко намекая внешнему миру, что у Ши Цзяня не было абсолютно никаких мотивов для кражи, и подобные обвинения выглядят совершенно нелогично и необоснованно.

Хотя многие всё еще пользовались случаем, чтобы «пнуть лежачего», постепенно в сети начали звучать и рациональные голоса: «Зачем Ши Цзяню вообще делать что-то подобное?»

Чу Хуан быстро заметила, как стремительно и профессионально контратакует компания Яоцзин.

Противник явно был очень хорошо подготовлен, и скорость их реакции была такой же высокой.

Чу Хуан приподняла брови в недоумении:

- Придумать такую глупость... Это что, Се сошла с ума, или она уже совсем не может контролировать своих людей?

Обвинить в краже, да еще и на территории семьи Чу - у Се Юйцяо совсем мозги отсохли от самоуверенности?

То, что заметила она, не могло ускользнуть и от Чу Юня, который, не жалея сил и ресурсов, вскоре получил искомый результат.

- Он воспользовался временной картой доступа, чтобы войти на объект именно в тот момент, когда было отключено наблюдение, а на следующее утро сослался на внезапную болезнь и отпросился. Сейчас он полностью перестал выходить на связь.

- Мы выяснили, что недавно на его счет поступила крупная сумма денег неизвестного происхождения, сейчас мы подтверждаем конкретные связи.

Денежные потоки в этом мире, какими бы скрытными и запутанными они ни были, никогда не выдерживают упорного, профессионального преследования.

В руках Чу Юня были ресурсы, которые практически не имели границ. Если он решил что-то выяснить, шансов на провал просто не существовало.

Скрытые записи о переводах, замаскированные счета, заказчик, искусно скрывающийся за несколькими посредниками...

Они думали, что были достаточно осторожны, но не осознавали одного: когда средства и решимость достигают определенного предела, в этом мире нет такой правды, которую невозможно было бы раскрыть.

Нужны были лишь время и деньги.

А для Чу Юня эти две вещи означали, что ему не нужно было жертвовать ничем ценным.

- Молодой господин, мы нашли его.

На большом экране непрерывно обновлялись данные мониторинга общественного мнения, имя Ши Цзяня мелькало с высокой частотой.

Лицо Чу Юня то освещалось холодным светом монитора, то снова погружалось в глубокую тень:

- Привезите его сюда.

- Есть!

- Чжися.

Голос молодого господина был таким мягким и вкрадчивым, что по спине Ли Чжися пробежал настоящий холодок. Он поспешно и низко поклонился в ответ.

- Можешь связаться со старшей сестрой, - холодно произнес Чу Юнь.

Он тонко усмехнулся:

- Скажи ей, что это тоже своего рода подарок от меня.

<http://bllate.org/book/17941/1720622>